МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н.Э.БАУМАНА

«ЛЕГЕНДА О ФЁДОРЕ КУЗЬМИЧЕ. ЗА И ПРОТИВ»

У нас в гостях:
д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории (СГН-1)
Виталий Юрьевич Захаров

Приглашаем на встречу!
Четверг в 17.45

zharov_a@inbox.ru

14 ноября

Конференц-зал каф. Э4
МГТУ им. Н. Э. Баумана
Лефортовская набережная, дом1, 3 этаж справа, дверь номер 312, по коридору до конца.

МГТУ 1830

МВТУ
ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ КЛУБ

ЗАГАДКИ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ: ЛЕГЕНДА О СТАРЦЕ ФЁДОРЕ КУЗЬМИЧЕ : ЗА И ПРОТИВ

Докладчик:
Заведующий кафедрой МГТУ им. Н.Э. Баумана, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МПГУ В.Ю. Захаров

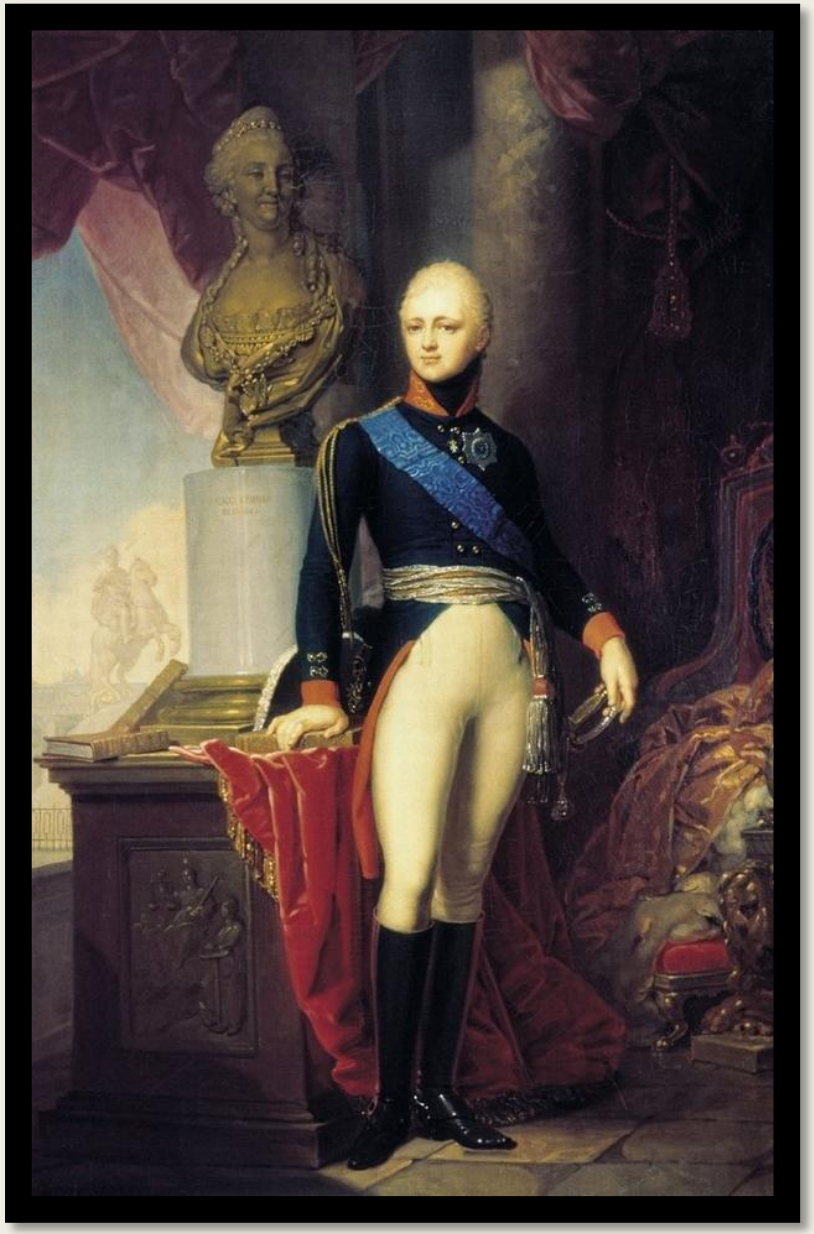
Александр Павлович в младенчестве

Александр Павлович в детстве

Александр Павлович в кругу семьи

Александр Павлович в молодости

Александр Павлович в юности



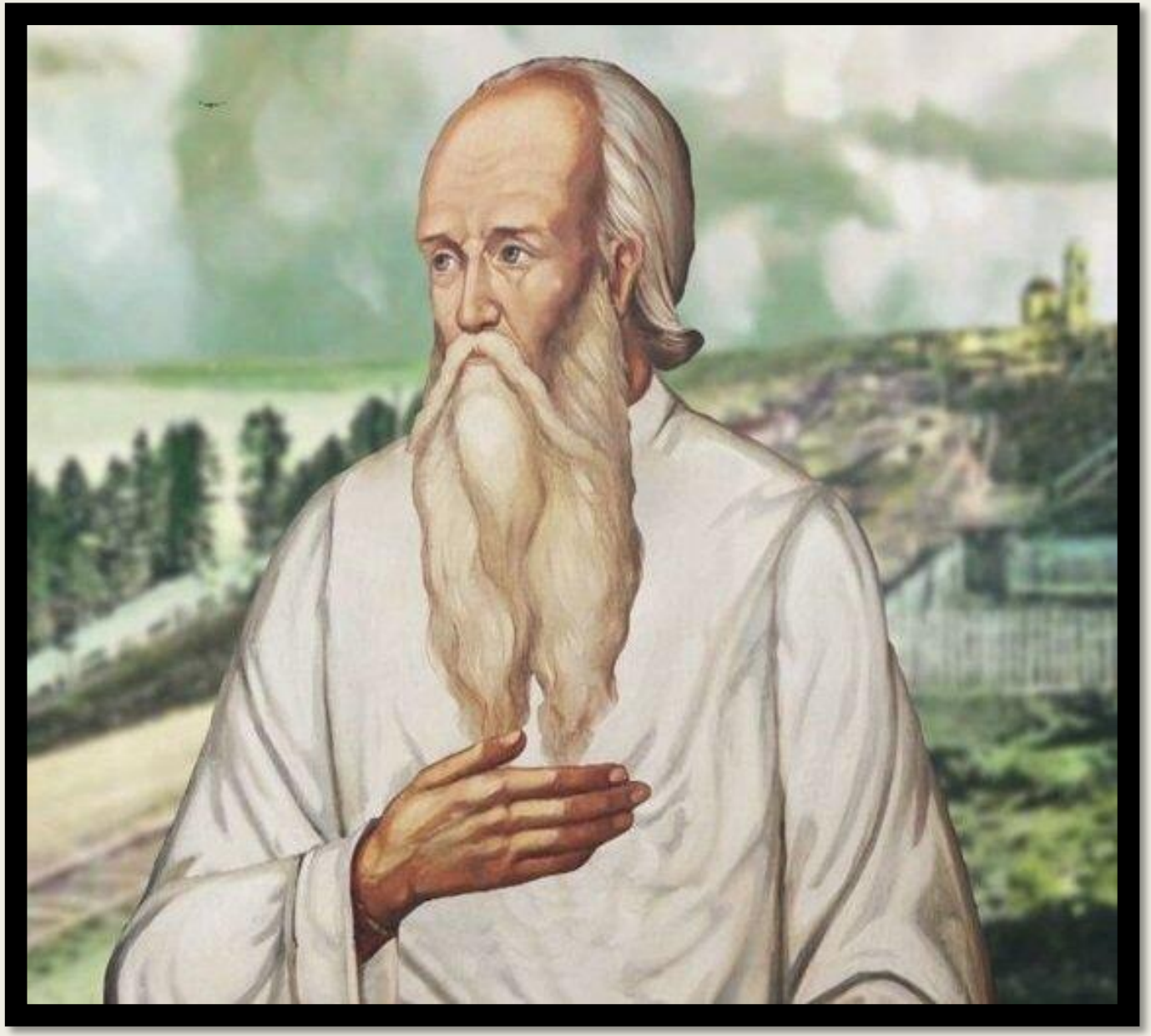
Основные вехи биографии Александра I

- 12(23) декабря 1777 г. – родился в семье наследника престола Павла Петровича и его второй жены Марии Фёдоровны.
- 1784-1795 гг. – обучение под руководством Ф. Лагарпа.
- 17(28) сентября 1793 г. – женитьба на Луизе Баденской (Елизавете Алексеевне).
- 11-12 марта 1801 г. – восшествие на престол в результате дворцового переворота, свержения и убийства Павла I.
- 1801 -1805 гг. – попытки проведения реформ.
- 1805-1815 гг. – участие в наполеоновских войнах.
- 1815-1820 гг. – продолжение реформаторского курса.
- 1821-1825 гг. – консервативный этап внутренней и внешней политики.
- 19 ноября (1 декабря) 1825 г. – смерть в г. Таганроге.

Основные вехи биографии Фёдора Кузьмича

- **1776 или 1777 г. – предполагаемая дата рождения.**
- **4 сентября 1836 г. – первое упоминание о нём в Красноуфимском уезде Пермской губернии. В октябре 1836 г. приговорён как бродяга к ссылке в Сибирь.**
- **1837-1842 гг. – проживание в деревне Зерцалы под Томском, затем у казака Семёна Сидорова в станице Белоярской (1842-1849).**
- **1849-1858 гг. - проживание в селе Краснореченское у крестьянина Ивана Латышева.**
- **1858-1864 гг. – проживание у купца Семёна Хромова во флигеле на Монастырской улице в г. Томске или летом на его заимке на окраине города.**
- **20 января (1 февраля) 1864 г. – скончался в г. Томске, похоронен в Богородицко-Алексеевском монастыре.**

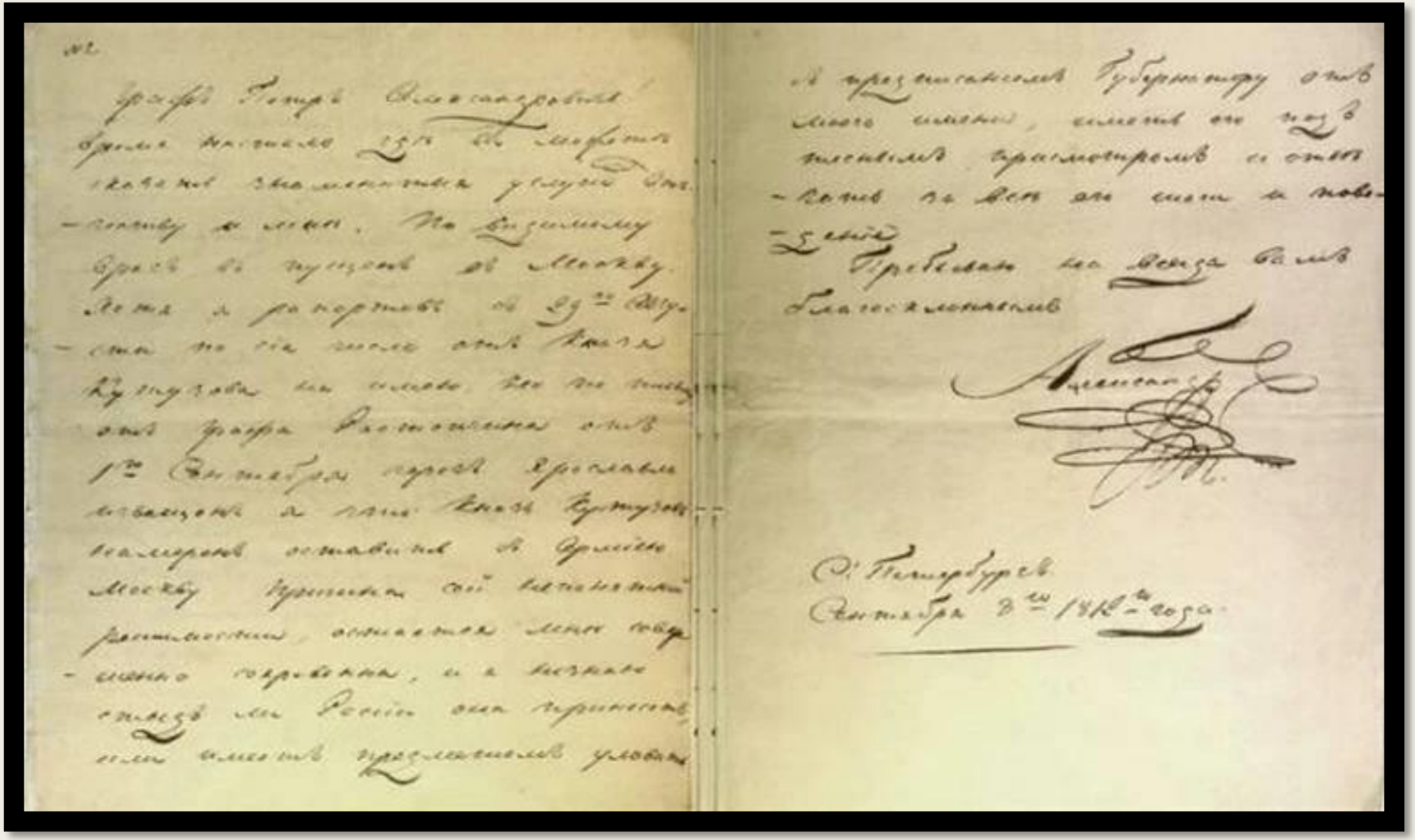
Федор Кузьмич



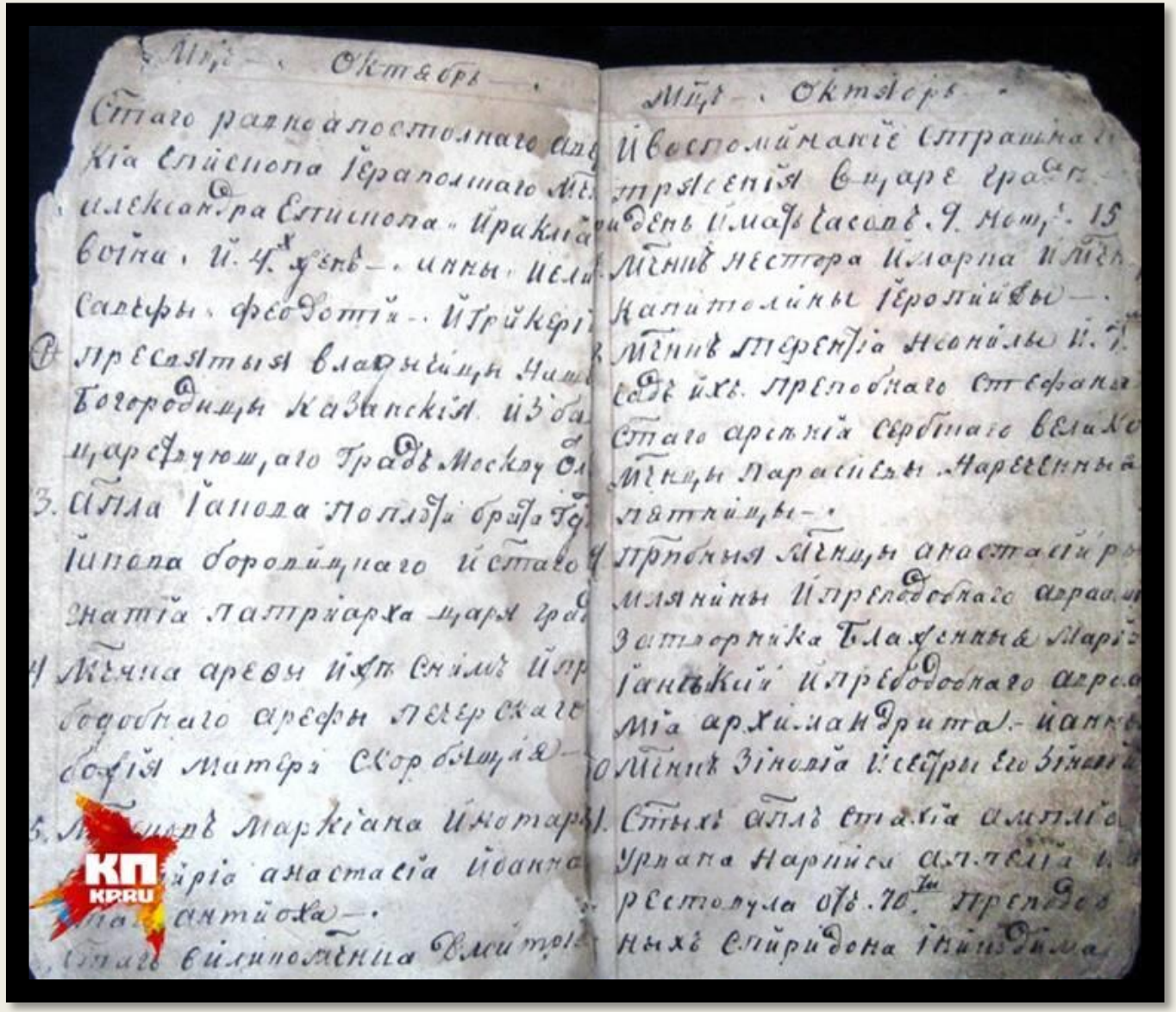
Александр I и Федор Кузьмич

Александр I и Федор Кузьмич

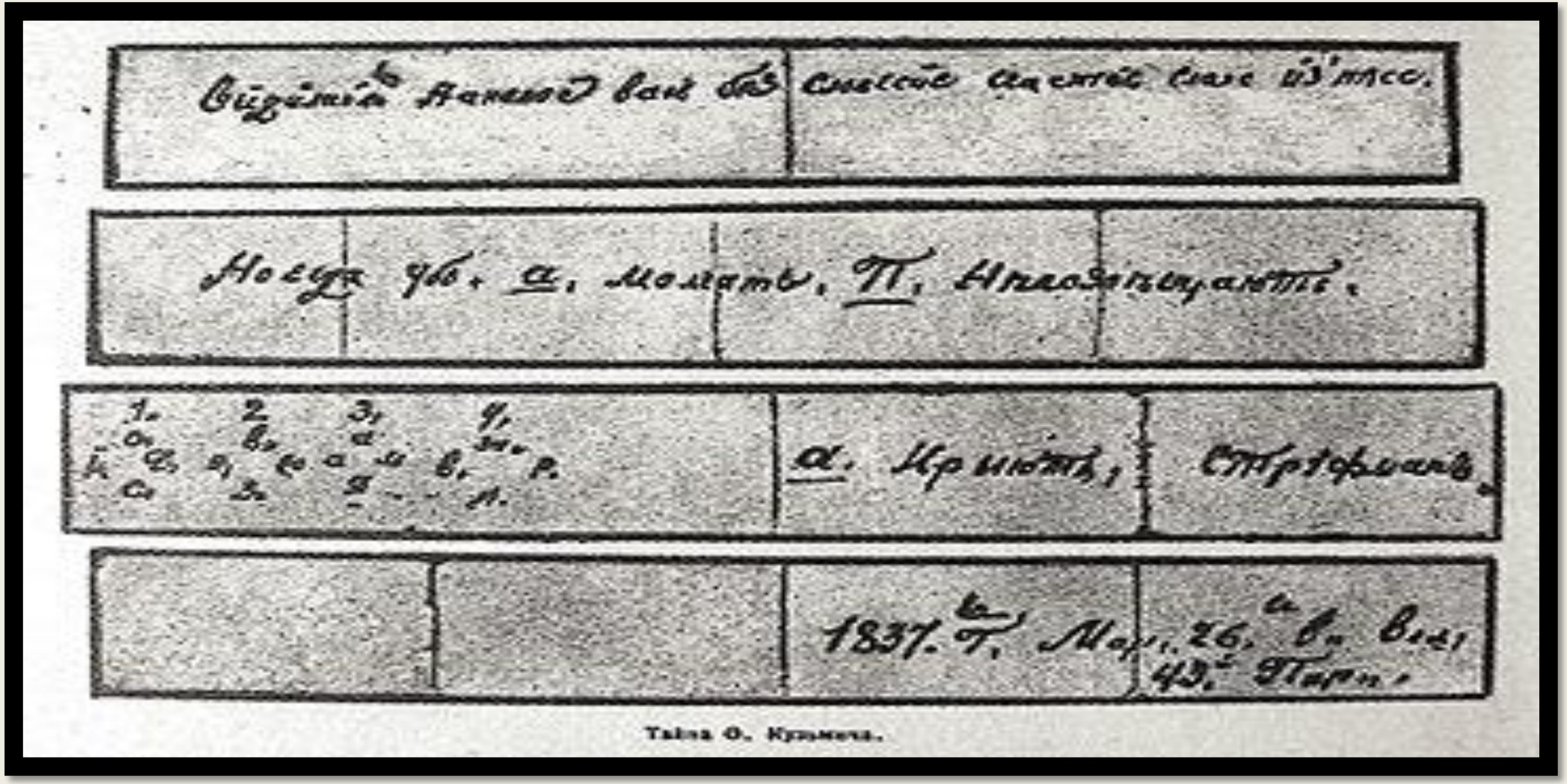
Образец почерка Александра I



Выдержки из месяцеслова старца Федора Кузьмича



«Тайна» Федора Кузьмича



Тайна Ѳ. Кузьмича.

Посмертные записки Фёдора Кузьмича

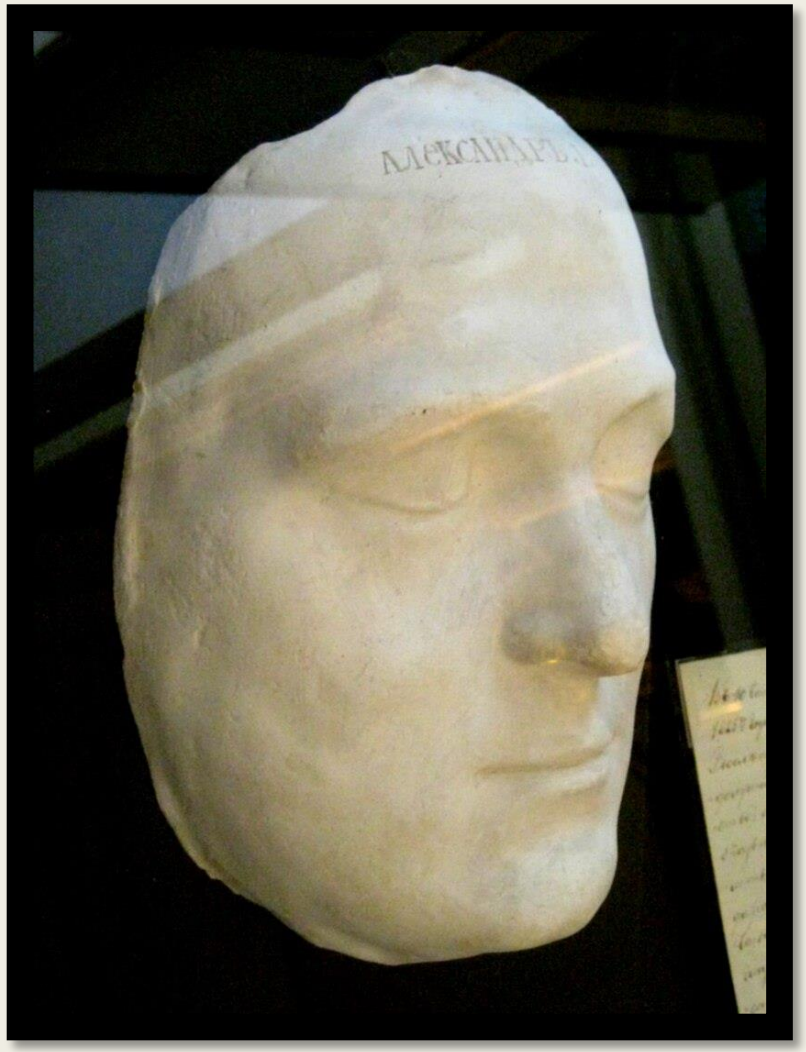
- Первая записка:
- — текст на лицевой стороне: *ВИДИШИЛИ НАКАКОЕ ВАСЪ БѢ ЗСЛОВЕСИЕ СЧАСТИЕ СЛОВО ИЗНѢСЕ*
- — текст на оборотной стороне: *НО ЕГДА УБО А МОЛЧАТЪ П НѢ ВОЗВѢЩАЮТЪ*
- Вторая записка:
- — текст на лицевой стороне:
- **1234овазні Дкеоамвр А КРЫЮТЪ СТРУФИАНЪсзДя—**
- текст на оборотной стороне:
- **ВОВО 1837 г. МАР. 26 В ВОЛ 43 пар**

Расшифровка Записок Фёдора Кузьмича В.В. Барятинского

Исследователь легенды о старце конца XIX века В. В. Барятинский предлагал следующий вариант расшифровки текстов записок:

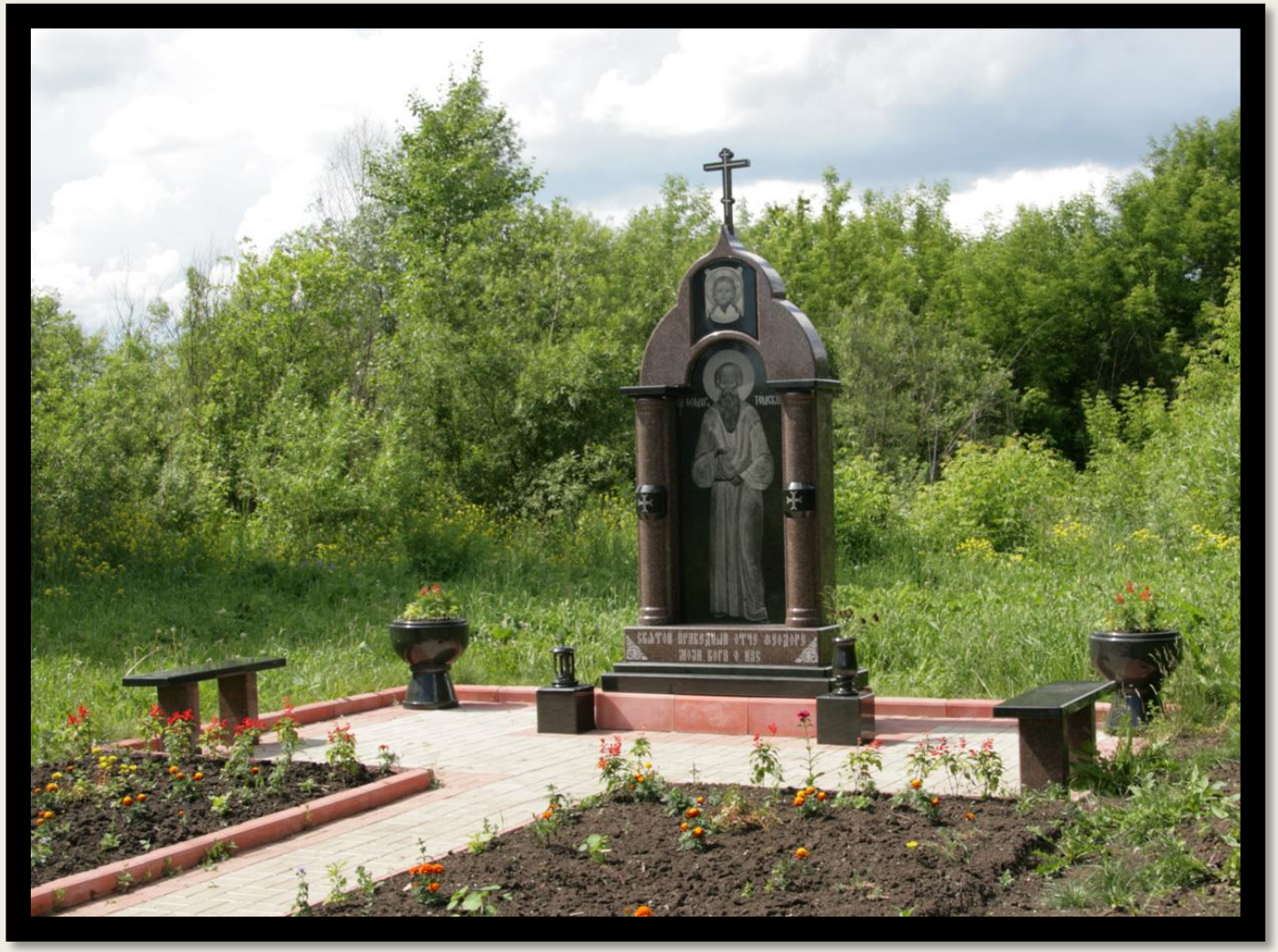
- Лицевая сторона первой записки: *«Видишь ли, на какое молчание вас обрекло ваше счастье и ваше слово»*;
- Оборотная сторона первой записки: *«Но когда Александры молчат, Павлы не возвещают»* (в значении — когда Александр хранит молчание, то его не терзают угрызения совести относительно Павла);
- Лицевая сторона второй записки: *«Я скрываю тебя, Александр, как страус, прячущий свою голову под крыло»*;
- Оборотная сторона второй записки: *«1837 г. МАР 26»* (дата прибытия старца к месту ссылки), *«в. вол»* (Б(В)оготольская волость — место ссылки), *«43 Пар»* (сорок третья партия ссыльных

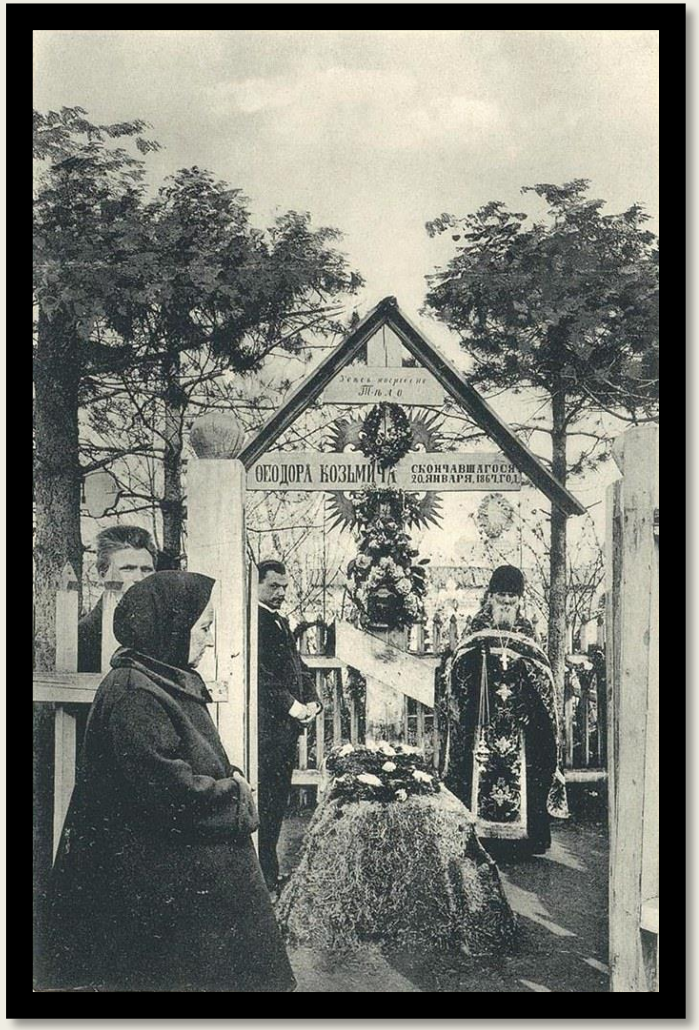
Федор Кузьмич на смертном одре



Посмертная маска Александра I

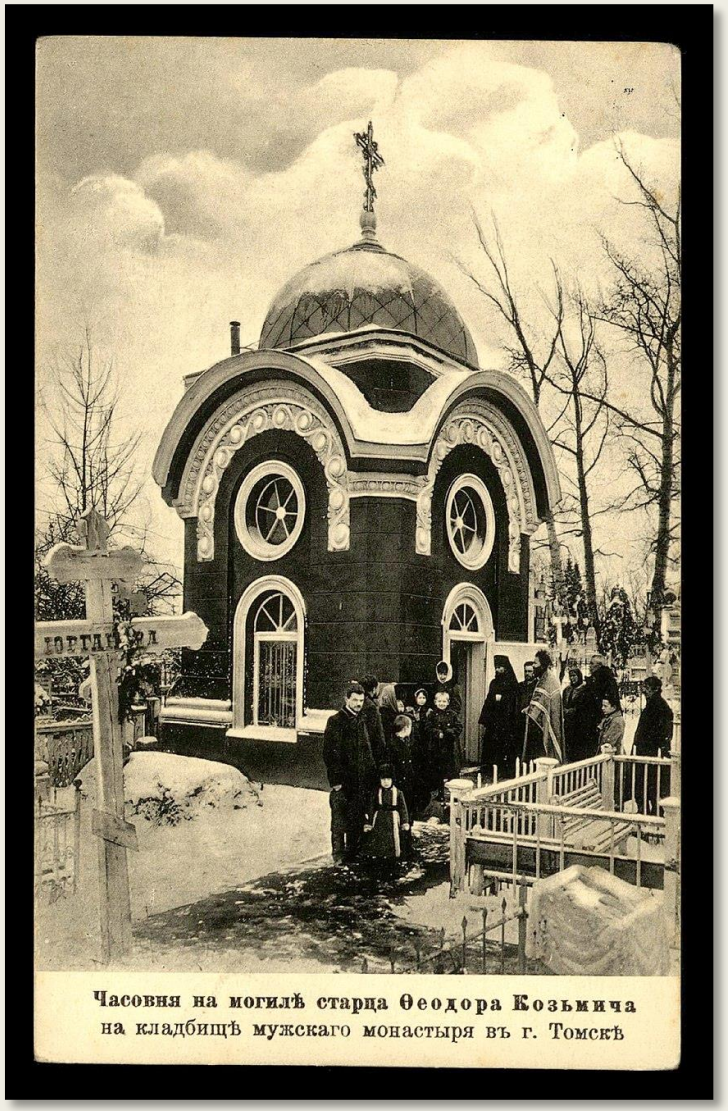
Памятник Фёдору Кузьмичу
на месте его кельи в посёлке Хромовка

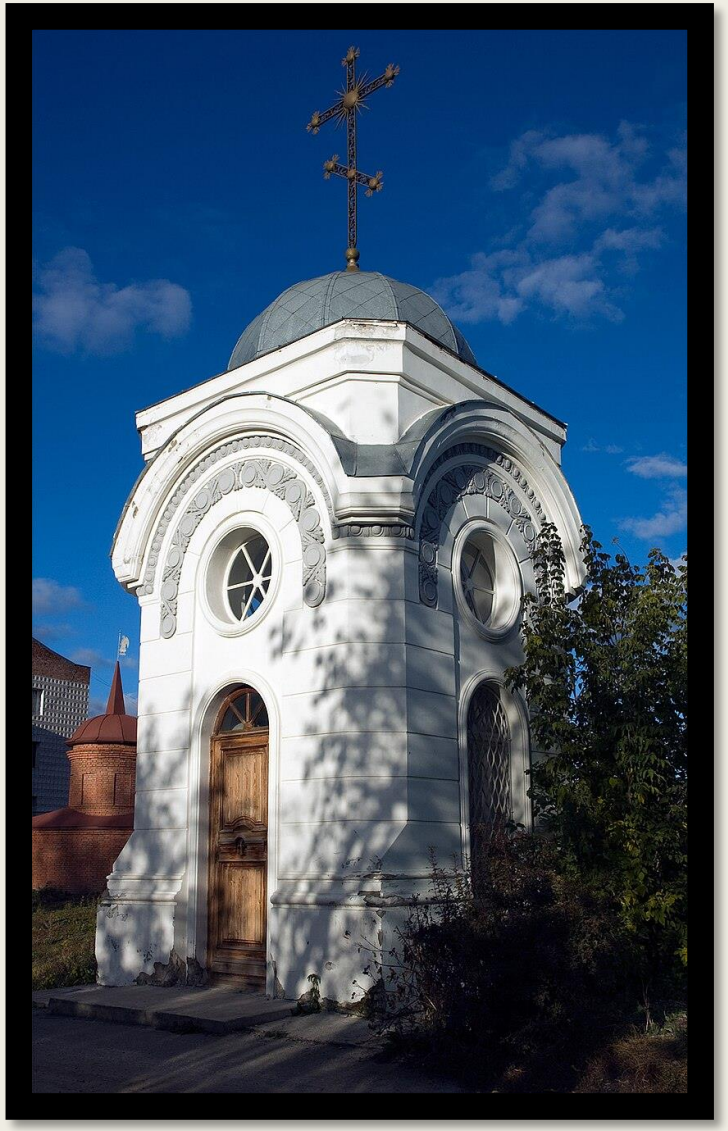




Могила Федора Кузьмича

Часовня над могилой Федора Кузьмича





Аргументы «ЗА»

- 1. Внешнее сходство (одинаковый рост, глухота, хромота на ту же ногу)
- 2. «Узнавания» со стороны окружающих
- 3. Сходство почерков (по другим данным нет)
- 4. Осведомлённость Фёдора Кузьмича о нюансах внутренней и внешней политики России эпохи Александра I
- 5. Рассказ И. Балинского о тайном перезахоронении некоего старца в присутствии императорской семьи в 1864 г.

Аргументы «Против»

- 1. Официальный протокол вскрытия тела Александра I, подписанный лейб-медиками Виллие, Тарасовым, генерал-адъютантом князем Волконским
- 2. Записи в дневниках Виллие, Волконского и императрицы Елизаветы Алексеевны о ходе болезни и обстоятельствах смерти Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 г.
- 3. Отсутствие оригиналов образцов почерка Фёдора Кузьмича
- 4. Многочисленные свидетельства о процедуре захоронения Александра I в Петербурге (но прощания с телом покойного императора организовано не было, гроб не открывали)

Литература по теме:

- 1. Барятинский В.В. Царственный мистик (Император Александр I - Фёдор Кузьмич). СПб.: Прометей, 1913. — 144 с.
- 2. Василич Г. Император Александр I и старец Феодор Кузьмич. — Репринт. воспроизведение 4-го изд. с рис., исполн. фототинтогравюрой, 1911 г. — М.: Современник, 1991. — 155 с.
- 3. Васильев Н. Легенда о кончине Александра I, или Тайна сибирского старца Фёдора Кузьмича. — М.: Совместное сов.-амер. предприятие ТО «Старт», 1991. — 68 с.
- 4. Кудряшов К. *В.* Александр I и тайна Фёдора Козьмича. — М.: НПО «Всесоюз. кн. палата», [1990]. — 85 с.
- 5. Окунь С.Б., Белянчиков Н.Н. Существует ли тайна Фёдора Кузьмича?// Вопросы истории — М., 1967. — № 1.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ "ТАЙНА ФЕДОРА КУЗЬМИЧА"?

Libmonster ID: RU-12297

Автор(ы) публикации: С. Б. ОКУНЬ, Н. Н. БЕЛЯНЧИКОВ →
Источник: Вопросы истории, № 1, Январь 1967, С. 191-201 →

В связи с опубликованием заметки Л. Д. Любимова "Тайна старца Федора Кузьмича" ("Вопросы истории", 1966, N 1) редакцией и автором получено более ста писем. Во многих письмах ставится вопрос о вскрытии гробницы Александра I в Петропавловской крепости и проведении необходимой научной экспертизы (доктор технических наук Е. В. Болдаков (Москва), начальник Госинспекции по охране памятников при Архитектурно- планировочном управлении Ленинградского горсовета С. В. Коробков, кандидат архитектуры Л. А. Медерский (Ленинград), Э. А. Кочнева (Нарва) и другие). Преподаватель истории Сибирского технологического института А. В. Винокуров, кандидат исторических наук Н. Я. Эйдельман (Москва) считают, что независимо от результатов вскрытия гробницы Александра I ее изучение представит значительный интерес. Н. Я. Эйдельман пишет, что проблема шире, чем вопрос о личности старца Федора Кузьмича. По его мнению, легенды и слухи о смерти Александра I (пусть самые фантастические) следует рассматривать в связи с историей "кризиса верхов", который созревал в 1814 - 1825 гг. и пока что недостаточно изучен. Н. Я. Эйдельман напоминает, что А. И. Герцен в свое время обращал особое внимание на необходимость изучения разного рода слухов и легенд, независимо от того, "имеют ли некоторые из них полное историческое оправдание или нет" (А. И. Герцен. Собрание соч. в 30 томах. 1958. Т. XIV, стр. 349). Редакцией получены также небольшие исследования доктора исторических наук С. Б. Окуня (Ленинград) и Н. Н. Белянчикова (Москва) о так называемой "тайне старца Федора Кузьмича". Они публикуются ниже,

Действительно ли Александр I умер в 1825 г. и не были ли идентичны личности царя и сибирского старца Федора Кузьмича? Вступая в полемику с Л. Д. Любимовым*, мы прежде всего хотели бы отметить, что французская энциклопедия "Пти Ларусс", на которую, среди прочих справочников, он ссылается, явно склонна к гиперболизму. "Пти Ларусс" утверждает, что вопрос о смерти Александра I в 1825 г. "вызывает очень горячие споры" (стр. 214). Л. Д. Любимов приходит к выводу, что в настоящее время наконец имеется возможность с ними покончить. Оговоримся сразу, что наше выступление определяется отнюдь не стремлением завершить "горячие споры". Показательно, что большинство крупных историков, изучавших историю первой четверти XIX в., не приняло участия в этой дискуссии. Никто из них никогда не сомневался в смерти Александра I в 1825 г. и особенно не интересовался личностью Федора Кузьмича. Из историков- профессионалов к этой дискуссии имели касательство лишь три человека: вел. кн. Николай Михайлович и Н. К. Шильдер в дореволюционные годы, а в начале 20-х годов - советский историк К. В. Кудряшов.

Николай Михайлович, как известно, выступил в 1907 г. со статьей, в которой на основе исследования значительного круга источников категорически отверг "перевоплощение" Александра I в старца Федора Кузьмича и доказал бесспорность факта смерти царя в 1825 г. в Таганроге[1] . Принадлежность к царствующей династии и доступ к секретным документам придавали его мнению дополнительную весомость, следствием чего явился ряд попыток со стороны сторонников противоположной точки зрения как-либо ослабить воздействие этого выступления. Именно с этим связаны циркулировавшие в Петербурге слухи, различные по деталям, но тождественные по выводам: Николай Михайлович втайне убежден, что Федор Кузьмич - это царь. Так, в записке Н. Врангеля, о которой упоминает Л. Д. Любимов, утверждается, что "великий князь Николай Михайлович, писавший о Федоре Кузьмиче, в первой своей брошюре явно не отрицает возможности отождествления Федора с Александром. Но, как рассказывает сам великий князь, император Николай II призвал его после появления этой брошюры и просил написать популярную статью, явно отвергающую возможность

---

* Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность проф. П. А. Зайончковскому, который оказал мне существенную помощь в работе над этой заметкой. - *С. О.*

[1] "Исторический вестник", 1907, N 7.

этого факта. Тогда-то и появилась статья великого князя в "Историческом вестнике"[2] . Несколько иначе излагается "эволюция" взглядов Николая Михайловича в другом варианте, который Л. Д. Любимов уже сам слышал от вел. кн. Дмитрия Павловича, но где, как и у Врангеля, Николай Михайлович в конечном счете фигурирует в качестве сторонника той же версии, что Александр I и Федор Кузьмич - одно и то же лицо.

Возникает вопрос: какое произведение Николая Михайловича имел в виду Врангель, утверждая, что, ознакомившись с ним, Николай II заставил автора выступить со второй работой, отвергающей первую? Такой работы не существует. Но дело не только в этом. Утверждение, что Николай Михайлович в статье, опубликованной в 1907 г. в "Историческом вестнике" (равно как и в статье, появившейся в 1914 г.[3] , где приводились новые данные о смерти Александра I, еще раз подтверждавшие абсурдность легенды о Кузьмиче), руководствовался не собственным мнением, а указаниями царя, представляется нам маловероятным. Сохранилось подтверждающее нашу точку зрения свидетельство Николая Михайловича, тем более убедительное, что оно не предназначалось для печати. В своих воспоминаниях он передает содержание разговора, происшедшего 4 февраля 1914 г. на семейном завтраке у Николая II: "Речь зашла о последних книжках кн. Барятинского и Михайлова о тождестве великого сибирского старца Федора Кузьмича и Александра I. Я воспользовался случаем разъяснить в сотый раз всю нелепость этой легенды, а также стремление известной нашей публики к возвращению старца в лоно святых. Рассказывал о нападках на меня, что разрушаю высокосимпатичную легенду, прославляющую благословенного монарха, которая пошла бы только на пользу и популярность царствующей династии"[4] . Действительно, данная легенда, изображающая царя "добровольно отказавшимся" от престола и превратившимся в не помнящего родства старца, была чрезвычайно выгодна монархическим кругам. Именно этим, на наш взгляд, можно объяснить живучесть ее в начале XX в., в предреволюционный период. Таким образом, утверждение, что Николай II запрещал распространение этой легенды, с точки зрения логики, лишено оснований.

Представляется недостоверным и рассказ вел. кн. Дмитрия Павловича о том, что вел. кн. Николай Михайлович во время первой мировой войны якобы убедился в тождестве Александра I и Федора Кузьмича. Надо сказать, что в период 1914 - 1917 гг. Николай Михайлович специально не занимался вопросом о Федоре Кузьмиче, а посему никаких изменений в его взглядах произойти и не могло.

Н. К. Шильдера почему-то принято считать исследователем, глубоко убежденным в том, что Александр I, покинув в 1825 г. Таганрог, появился позднее в Сибири под именем Федора Кузьмича. Однако это представление основывается не столько, на его четырехтомном сочинении, посвященном царю, сколько на свидетельстве лиц, заинтересованных в привлечении Шильдера на свою сторону. Именно так поступил К. Н, Михайлов, автор туманно-мистического сочинения об Александре I и Федоре Кузьмиче, почему-то именуемого "историческим исследованием". Михайлов доверительно сообщает читателю слышанный им от Шильдера рассказ о том, как к нему однажды явился во сне Федор Кузьмич и представился Александром I. На вопрос, заданный Шильдеру, верит ли он словам старца, историк "проникновенно и мечтательно" ответил "да"[5] . Возможно, у Шильдера и было страстное желание превратить Федора. Кузьмича из, героя своих сновидений в героя своих произведений. Но, не находя в материалах убедительных подтверждений ни таинственному уходу из Таганрога "кающегося грешника", ни его "чудесному воскрешению" в Сибири, Шильдер ограничился в последней главе своей монографии лишь рассказом о возникновении легенды, отождествляющей Александра с подвергнутым телесному наказанию старцем. Многочисленные толки о судьбе царя и старца, пишет в заключение Шильдер, заслуживают внимания лишь как "несомненное произведение народной фантазии, старавшейся по-своему объяснить события этой смутной эпохи"[6] .

---

[2] ЦГИА СССР, ф. Н. Н. Врангеля (N 683), д. 6, л. 4.

[3] "Исторический вестник", 1914, N 9.

[4] ЦГАОР, ф. вел. кн. Николая Михайловича, д. 16, лл. 43 - 44. Эти воспоминания опубликованы в "Красном архиве", 1931, кн. 6(49).

[5] См. К. Н. Михайлов. Император Александр I и старец Федор Кузьмич. СПБ. 1914, стр. 8.

[6] Н. К. Шильдер. Император Александр I. Т. IV. СПБ. 1905, стр. 445.

Таким образом, из двух специалистов, имевших в дореволюционные годы касательство к обсуждению вопроса о Федоре Кузьмиче, один решительным образом отверг эту концепцию, а другой, душевно к ней тяготея, не рискнул все же заявить о ее правоте. Особо следует отметить, что и Шильдер и Николай Михайлович находились в совершенно исключительных условиях, имея доступ к самым секретным архивам: оба, являясь историками реакционного направления, должны были иметь весьма веские основания, чтобы не поддержать концепцию, которая пользовалась популярностью у авторитетной части господствующей клики.

В итоге в первой шеренге "борцов" за признание Федора Кузьмича царем оказались К. П. Михайлов и кн. В. В. Барятинский[7] : журналист, впавший в мистику, и мистик, занявшийся журналистикой. Порывы их бурной фантазии не укрощались ни документальными, ни эпистолярными, ни мемуарными материалами. В них они вычитывали все, что давало возможность создать столь полюбившийся им образ. В 1923 г. вышла в свет работа К. В. Кудряшова "Александр I и тайна Федора Кузьмича". Ее достоинство состоит в том, что автору удалось окончательно похоронить "двуединый вопрос" и оторвать проблему смерти Александра I от проблемы жизни Федора Кузьмича. Опровергнув весьма убедительно все доводы в защиту их отождествления, Кудряшов не смог, однако, ответить на вопрос: кто же в конце концов скрывался под именем Федора Кузьмича? Его предположение, что это был зять декабриста М. С. Лунина Ф. А. Уваров, таинственно исчезнувший в начале 1827 г., лишено достаточных оснований. Но в отношении Александра I вопрос можно было считать решенным. В советской литературе данная проблема более не фигурировала, а то, что появлялось на Западе, было простым перепевом давно известного.

И вот через сорок с лишним лет после Кудряшова в советской печати вновь выступил с "двуединой концепцией" (преподнесенной, правда, с вопросительным знаком) Л. Д. Любимов. Каким же новым материалом обогатил он свою заметку, решив вновь поднять старый вопрос? Не располагая свежими документальными материалами, Л. Д. Любимов пошел по иному пути. Он попытался расспросить потомков некоторых лиц, которые находились при Александре I в Таганроге и, если там была устроена инсценировка смерти царя, должны были знать о ней или даже участвовать в ней. Опросил он и тех, кто по своему положению мог знать о "тайне". В большинстве далекие потомки временных обитателей Таганрога в период октября - декабря 1825 г. склонялись к признанию тождества Александра I и Федора Кузьмича. Однако сам Л. Д. Любимов признает, что "совокупность всех противоречий и косвенных свидетельств не составляет еще доказательства" (указ. соч., стр. 213). Бесплодной оказалась и попытка выяснить точку зрения тех, кому "надлежало знать истину". Не обогащают наших сведений ни утверждение, что, по мнению Николая II, Федор Кузьмич - это "загадка", ни заявление, что царь, "не высказываясь определенно" о перевоплощении Александра в Кузьмича, в то же время "отнюдь не отрицал" такой возможности (там же). Л. Д. Любимов упоминает также о записках Н. Врангеля и И. Балинского, с содержанием которых он знаком лишь по рассказам. Поскольку оригиналы документов в руках у Любимова не были, а теперь привлекли к себе внимание, мы остановимся на их содержании.

Записка "Правда о Федоре Кузьмиче", принадлежащая перу известного искусствоведа Н. Н. Врангеля, находится в его личном фонде, хранящемся в ЦГИА. Датированная 5 сентября 1912 г., она была запечатана в конверт, на котором рукой Врангеля написано: "Разрешаю вскрыть после моей смерти". Н. Н. Врангель умер скоропостижно в 1917 году. Наследники, ознакомившись с содержанием записки, сочли обнародование ее преждевременным и поместили ее во второй конверт, на котором написали, что просят его вскрыть "в следующее после императора Николая II царствование"[8] . Оказавшийся в рукописном отделе Библиотеки АН СССР конверт был распечатай в 1935 году. В начале записки Врангель отмечал: "Я не мог огласить этого рассказа раньше, так как дал слово лицу, сообщившему мне его, никогда никому об этом не сказывать. Лицо это - полковник Игнатий Иванович Балинский, управляющий

---

[7] К. Н. Михайлов. Указ. соч.; В. В. Барятинский. Царственный мистик. СПБ. Изд- во "Прометей", б/г.

[8] ЦГИА СССР, ф. Н. Н. Врангеля, д. 6.

конторой двора е. и. в. великого князя Николая Николаевича". Сын знаменитого психиатра, И. И. Балинский рассказал Н. Н. Врангелю 5 сентября 1912 г., что однажды его отец, главный врач психиатрической клиники у Литейного моста, то есть Военно- хирургической академии, получил письмо от министра двора графа Адлерберга, "в коем граф уведомляет его, что по желанию его величества (императора Александра II) в клинику к ним назначается швейцаром бывший солдат Петропавловской крепости Егор Лаврентьев". Лаврентьев ранее был служителем при Петропавловском соборе. В его обязанности входила уборка усыпальницы царей. Находясь в клинике, Лаврентьев привязался к одному из сыновей Балинского, Андрею, дядькой которого длительное время состоял. "В 1890-х годах, - пишет Врангель, - уже 80-летним старцем, Егор сильно заболел и, чувствуя приближение смерти, просил на смертном одре Андрея Балинского его выслушать. Егор передал ему 40 тысяч рублей с просьбой передать эти деньги двум его (Егора) детям и рассказал следующее: в 1864 г. он, Егор Лаврентьев, вместе со своими тремя товарищами получил однажды приказание явиться в усыпальницу ночью. Прибыв на место, они вскоре увидели приехавшего министра двора графа Адлерберга, а вскоре прибыл и сам император Александр Николаевич. Вслед за сим подъехал траурный катафалк в сопровождении Николая Михайловича Галкина-Врасского[9] ; с катафалка сняли гроб, в коем лежал длиннобородый старец. Гроб перенесли в крепость, вскрыли могилу императора Александра I, которая оказалась пустой, и в гробницу положили тело привезенного Галкиным старца. Гроб снова закрыли, и граф Адлерберг сказал всем присутствующим: "Все здесь происшедшее должно сохраниться навсегда в тайне. Все здесь присутствующие будут награждены, но пусть никто никогда не узнает о том, что случилось". Через несколько дней служившие в крепости солдаты были назначены на другие места. Егора Лаврентьева наградили деньгами и назначили сперва плашкоутным смотрителем, а затем в клинику профессора Балинского. "Вся история, здесь рассказанная, записана рукою Егора и ныне хранится у Андрея Ивановича Балинского"[10] .

"По предположению Игнатия Балинского, - продолжает Врангель, - история Федора Кузьмича произошла так. Отцом императора Николая I был не Павел, а медик императрицы Марин Федоровны Вильсон - англичанин, приехавший в Россию при Екатерине II. Портрет (миниатюра) этого Вильсона, находящийся в Гатчинском дворце, разительно схож со всеми портретами императора Николая I. Приезд в Россию и приближение его ко двору относится к эпохе рождения Николая Павловича. Предание в семье Балинских гласит, что, зная нелюбовь гвардии к Николаю Павловичу и желание Александра I устраниться от дел и дать конституцию, при дворе императрицы Марии состоялся заговор, и Вильсону (фактическому отцу Николая I) было поручено "уладить дело" в пользу последнего. По словам Балинского, вместо Александра I в гроб положили тело фельдъегеря Маскова, которое затем вынули, а "гроб в крепость был доставлен пустым". Александр I отбыл в Индию, Вильсон же возвратился в Англию, куда ежегодно переводились секретные суммы для пересылки Александру I. По словам Балинского, "год прекращения выдачи денег совпадает с годом появления Федора Кузьмича в Сибири"[11] . Как утверждает Балинский, о высылке этих денег, сохранились "архивные сведения". После смерти Федора Кузьмича его останки были привезены Галкиным-Врасским в Петербург. В заключение Балинский сообщает еще одну деталь: "Любопытно отметить, что какое-то тайное предание всегда хранилось в царской семье, и императоры Николай I и Александр II передавали своим наследникам какие-то пакеты с приказанием хранить в тайне эти документы. Великий князь Николай Михайлович (с его собственных слов) как-то спросил об этом импер. Александра III, но государь, рассердясь, оказал: "Очень уж ты любопытен. Тебя это не касается". Наследник Александр Александрович во время своего путешествия на Восток посетил тогда еще бывшего в живых старца Федора и более двух часов пробыл с ним наедине. Свита же осталась в отдалении, и никто не знает, о чем был разговор между юным наследником престола и старцем"[12] .

---

[9] "Ныне престарелого члена Государственного совета" (примечание Н. Н. Врангеля).

[10] ЦГИА СССР, ф. Н. Н. Врангеля, д. 6, лл. 4 - 5.

[11] Там же, лл. 5 - 7.

[12] Там же, л. 8.

Таков записанный Врангелем рассказ Балинского. Однако трудно верить документу, содержащему ряд заведомо ошибочных деталей. Так, вопреки утверждению Балинского, никаких сведений о пересылке денег Вильсону в фондах архива министерства императорского двора не значится. Александр III вообще в Томске не был и с Федором Кузьмичем не встречался, не говоря уже о том, что наследником престола он стал через год после смерти старца. По словам Балинского, в 1864 г. могила Александра I оказалась пустой и в нее замуровали останки Федора Кузьмича; а А. И. Шувалова сообщила Л. Д. Любимову, что в конце 80-х годов, когда вскрыли эту же могилу, вновь нашли ее пустой (стр. 214).

Конечно, вовсе не обязательно, чтобы пересмотр какой-либо концепции был связан с наличием нового материала. Возможны случаи, когда давно известные источники вдруг заиграют неожиданными гранями и заново объяснят положения, которые давно считались бесспорными. Не тот ли здесь случай? Посмотрим, какими научными данными оперирует Л. Д. Любимов. Он начинает рассуждения о возможности ухода Александра I из "мира" с анализа его "духовной драмы" и выделяет в первую очередь травму, связанную с участием в убийстве отца, крах внешнеполитического курса, проявившийся в распаде Священного союза, и внутриполитическую катастрофу, столь ясно сказавшуюся в возникновении тайных обществ, о которых Александр узнал незадолго до ноябрьских событий 1825 года. Нет сомнения, что эти обстоятельства оказали большое воздействие на психику царя. Но почему они должны были заставить его покинуть престол и в течение почти сорока лет скрываться под обличьем бродячего старца? А. Е. Пресняков, один из тонких исследователей личности Александра I, считал, что "тяжким кошмаром прошла над ним кровавая ночь с 11 на 12-е марта 1801 года. Пережитого в те годы он никогда не забывал"[13] . Однако он и не казнил себя за убийство отца. Ведь предательство, по существу, началось еще раньше, когда Александр с такой легкостью согласился на предложение бабки занять престол, минуя Павла. К тому же имелось чудесное оправдание: Павел - тиран; из убийцы Александр в собственных глазах превращался в спасителя страны. Несколько, правда, мешала мать, но Александр оставил вдовствующую Марию Федоровну "царствующей", а брошенную им супругу Елизавету Алексеевну держал на положении вдовствующей.

Предположим, впрочем, что тень отца время от времени являлась Александру (хотя не может быть сомнения, что задушенного отца он опасался гораздо меньше, чем живого). Совершенно иначе, однако, обстояло дело с внешнеполитическими проблемами. Действительно, полностью реализовать свою внешнеполитическую программу александровское правительство после разгрома Наполеона не смогло. Но для того, чтобы из-за этих частичных неудач пойти в "старцы", надо было быть не "страдальцем" с больной душой, каковым преподносят Александра, а целиком душевнобольным человеком. Хотя Священный союз, как справедливо отмечает Л. Д. Любимов, принес Александру немало огорчений, следует все же иметь в виду, что распад его наметился в период сокращения революционных и национально-освободительных движений в Европе. В то же время антагонизм, проявлявшийся в недрах этой организации, предоставил России возможность действовать самостоятельно при решении ближневосточных дел. Именно в 1825 г. (когда, по мнению Л. Д. Любимова, Александру оставалось лишь опустить руки и тихонько скрыться, считая, что все потеряно) была разработана новая программа действий, которая несколько позднее, в конце 20-х - начале 30-х годов, привела к торжеству России на Ближнем Востоке.

Проявлением краха внутриполитического курса Л. Д. Любимов в первую очередь считает возникновение тайных декабристских организаций, о наличии которых Александр был осведомлен. Он прав, когда пишет, что в руки царя еще в 1821 г. попал донос, в котором излагалась история возникновения и характер деятельности Союза Благоденствия, одной из первых декабристских организаций. Но Л. Д. Любимов глубоко ошибается, думая, что Александр ничего против них не предпринял. Приводимые в заметке Л. Д. Любимова слова царя "не мне карать", если они даже и были произнесены, - очередное его фарисейство. Александр карал, карал жестоко, но с хитростью, учитывая обстановку, в условиях которой чрезмерная паническая ретивость опасна. Именно в связи с упомянутым доносом была создана специальная военная

---

[13] А. Е. Пресняков. Александр I. Птгр. 1924, стр. 184.

полиция, закрыты масонские ложи, а лица, отмеченные в доносе как особо опасные, удалены из армии. Неправильно также утверждение, что в дальнейшем вся борьба с тайными обществами сконцентрировалась в руках Аракчеева, а когда всесильный временщик в связи с убийством его возлюбленной забросил все дела, то и царь отказался от всякого сопротивления. Правда, все это у Л. Д. Любимова сформулировано не столь откровенно. Но завуалированные рассуждения о том, что Александр "сам карать не хотел или не смел и в то же время прятался за Аракчеева", вслед за которыми следует сообщение, что Аракчеев после убийства Минкиной отказался выполнять свои обязанности, содержат именно эту мысль. На деле Александр никогда, вплоть до последних дней жизни, не выпускал из своих рук нитей ни управления, ни тайного сыска. Достаточно упомянуть хотя бы о его встречах, уже в Таганроге, с Шервудом и Виттом, двумя провокаторами, предавшими декабристов. При участии Александра был разработан план их дальнейших действий, так как к тому времени в руках правительства имелись лишь ограниченные сведения о тайных обществах. А поскольку царь проживал тогда в Таганроге, непосредственно руководить подготовкой разгрома декабристского движения поручено было начальнику Главного штаба И. И. Дибичу.

Отсюда видно, что психологические мотивы, которые вслед за прежними авторами, хотя и с некоторой модернизацией, повторяет Л. Д. Любимов, представляются совершенно неубедительными. Не могут быть приняты в расчет и делавшиеся Александром намеки на возможность отречения от престола, на которые широко ссылались и Михайлов и Барятинский и которыми, хотя и скупо, пользуется также Л. Д. Любимов. К высказываниям Александра, этого "византийца, воспитанного между Гатчиной и Царским Селом", следует относиться очень осторожно, поскольку беспринципность, облаченная в принципиальность, являлась характерной особенностью его красноречия. От него всегда можно было услышать то, что было приятно узнать его собеседникам, что могло поразить, удивить, восхитить, но очень редко то, о чем он в данный момент в действительности думал. Из одних и тех же уст различные собеседники слышали заверения и в приверженности к справедливости, ибо он, Александр, республиканец по духу, родился и умрет-де демократом, и в приверженности к военным поселениям, во имя сохранения которых он готов уложить трупами дорогу от столицы до Чудова. Вот почему заявление Александра о том, что он мечтает завершить свою жизнь "простым гражданином", что теперь наступило время, когда во главе государства должны находиться молодые правители, - только слова, слова, слова. Как можно, например, верить заверениям Александра, сделанным брату и невестке ("Как я буду радоваться, когда вы будете проезжать мимо меня, а я из толпы, махая шапкой, буду кричать вам ура"), если после этих слов он в течение ряда лет ничего не сделал для узаконения передачи престола Николаю? Да и тогдашняя ситуация с манифестом о престолонаследии является одним из наиболее убедительных доводов в пользу того, что Александр думал еще царствовать и царствовать.

В заключение - об одном приеме, неизменно фигурирующем в работах "друзей" старца: указания на противоречия и намеки в показаниях современников таганрогских событий в октябре - декабре 1825 года. Л. Д. Любимов приводит один из этих "загадочных" документов, который, будучи взят у Шильдера, фигурирует в качестве "загадочного" также у Михайлова и Барятинского[14]. Речь идет о письме П. М. Волконского из Таганрога статс-секретарю Марии Федоровны Т. И. Вилламову от 7 декабря 1825 г., где он спрашивает, надлежит ли тело Александра окончательно отпеть в Таганроге или отпевание состоится и в столице. При этом он считает более целесообразным сделать это в Таганроге, "ибо хотя тело и набальзамировано, но от здешнего сырого воздуха лицо все почернело и даже черты лица покойного совсем изменились, через несколько же времени и еще потерпят, почему и думаю, что в С. - Петербурге вскрывать гроб не нужно, и в таком случае должно будет совсем отпеть". Акцентируя внимание на утверждении Волконского, что "черты лица покойного совсем изменились" и что в Петербурге гроб открывать не следует, все, считавшие, что Александр не умер в Таганроге, а ушел из Таганрога, усматривают в этом письме чуть ли не прямое свидетельство в пользу того, что в гробу лежал не царь, а кто-то другой.

---

[14] К. Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 171; В. В. Барятинский. Указ. соч. стр. 66.

Но если подойти к этому документу без всякой предвзятости, то все воспринимается иначе. Бальзамирование произведено было неудачно. Уже при натягивании кожи головы, как свидетельствует очевидец, "немного изменилось выражение черт лица"[15]. Волконский составлял письмо через 17 дней после бальзамирования. Процесс изменения цвета лица умершего все прогрессировал. А вещи, необходимые для переноса тела из дворца в собор, все еще из Москвы не прибыли. Когда двинется траурное шествие из Таганрога, было неизвестно. В этих обстоятельствах мнение Волконского о необходимости избегать публичного открытия гроба представляется вполне логичным и закономерным, тем более в условиях создавшегося междуцарствия. Тем не менее во время следования из Таганрога в Петербург, с 29 декабря 1825 г. по 28 февраля 1826 г., гроб вскрывали пять раз. Эти прощания и осмотры не превращались в публичные зрелища. Однако на них перебывало большое количество людей, близких покойному, считать их всех вовлеченными в авантюру бегства царя и захоронения вместо него случайного человека нет оснований при самой необузданной фантазии. Если бы это было действительно так, как представлялось Михайлову, Барятинскому и пр., то в подготовку и осуществление таинственного исчезновения должны были бы быть вовлечены не только Дибич, Волконский, Виллие и другие лица из таганрогского окружения, но и Мария Федоровна, Николай I, вся царская семья, Аракчеев и т. д. В этом случае мы бы, безусловно, располагали более достоверными данными по сравнению с вполне реалистическим письмом Волконского Вилламову, из которого трудно "выжать" больше, чем оно содержит.

Итак, новое изложение старой легенды, да простит нас уважаемый Л. Д. Любимов, ничего нового в легенду не вносит. Правда, оно составлено, как мы уже отмечали, под знаком вопроса. В сущности, Л. Д. Любимов оказался посередине. Он отошел от вел. кн. Николая Михайловича, категорически отрицавшего легенду, но не дошел до кн. Барятинского, ее активного апологета.

Для доказательства идентичности личности Александра I и Федора Кузьмича иногда используется их портретное сходство. Действительно, оно столь разительно, что никаких словесных доказательств перевоплощения царя в бродягу не требуется. Однако "Неделя", напечатавшая оба портрета, при этом не сообщила читателю, что так называемый портрет Федора Кузьмича был специально написан после его смерти "по мотивам" портрета Александра Павловича. Отсюда - и их поразительное сходство.

Стоит ли вскрывать могилу царя? Почему же не вскрыть! Коллекция скульптурных портретов М. М. Герасимова в этом случае пополнится еще одним произведением - портретом Александра I. Можно вскрыть для "успокоения" и могилу Кузьмича, хотя она уже вскрывалась в 1903 г. и в гробу был обнаружен остов человека в виде серой массы, то есть прах покойного старца.

С. Б. Окунь

----- [15] К. Н. Михайлов. Указ. соч., стр. 180.

4 сентября 1836 г. в Кленовской волости, Красноуфимского уезда, Пермской губернии, появился на кровном дорогом коне очень представительный и благородной наружности пожилой человек, одетый в крестьянское платье. Как "подозрительный" он был задержан и на допросе в Красноуфимском земском суде показал, что "зовут его Федор Козьмин и (по фамилии) Козьмин же, 70 лет, неграмотен, вероисповедания греко-российского, не помнящий своего происхождения с младенчества своего". По двукратному освидетельствованию, произведенному в Красноуфимском земском и уездном судах, у него оказались следующие приметы: "роста - 2 аршина 6 1/2 вершков, волосы на голове и бороде - светлорусые с проседью, нос и рот посредственные, подбородок кругловатый, от роду имеет не более 65 лет, на спине есть знаки наказания кнутом или плетью". 10 сентября 1836 г. за бродяжничество Федор Козьмин был предан суду. Красноуфимский уездный суд приговорил его к наказанию в полиции двадцатью ударами плетей и к отдаче в солдаты, "а в случае негодности - к отсылке в Херсонскую крепость, за неспособностью же к работам - к ссылке в Сибирь на поселение". 3 октября 1836 г. приговор был объявлен Федору Козьмину, и последний остался им очень доволен. Томский губернатор, утвердив приговор в части наказания плетьми, предписал "бродягу Козьмина" сослать в Сибирь на поселение. 12 октября он был наказан двадцатью ударами плетьми и на другой день отправлен в Сибирь под конвоем в деревню Зерцалы, Мариинского уезда, Томской губернии. Таковы обстоятельства, связанные с появлением этого человека в Сибири. Они документально установлены Р. И. Кузовниковым еще в 1895 г.[1] и имеют непосредственное отношение к легенде о тождестве Александра I и Федора Кузьмича.

В дореволюционное время эта легенда получила довольно широкое распространение, а в наше время о ней вновь вспомнил Л. Д. Любимов[2] . Последний, в частности, предлагает вскрыть могилу Федора Кузьмича в Томске. Но 10 июля 1903 г. гроб с останками старца уже вскрывался, когда при постройке часовни над его могилой крышка гроба была повреждена упавшей доской. Присутствовавшие при этом архимандрит Иона, архитектор Оржешко и подрядчик Леднев воспользовались возможностью осмотреть внутренность гроба и, приподняв крышку, увидели "остов старца, голова которого покоилась на истлевшей подушке. Волосы на голове и борода сохранились в целости, цвета они белого, т. е. седые. Борода волнистая - протянулась широко на правую сторону"[3] . Никаких документов или вещей при этом, видимо, обнаружено не было.

Александр I простудился 27 октября по пути из Балаклавы в Георгиевский монастырь, так как ехал верхом почти четыре часа в одном мундире при очень сильном, порывистом ветре[4] . Имеется акт о кончине царя в Таганроге 19 ноября 1825 г., подписанный кн. П. М. Волконским, И. И. Дибичем и врачами Тарасовым и Виллие, а также протокол вскрытия его тела, подписанный как лицами свиты, так и девятью находившимися тогда в Таганроге врачами[5] . Никто еще до сих пор не доказал, что эти документы являются фальшивыми. Кроме того, существуют подлинные письма жены Александра I Елизаветы Алексеевны к императрице Марии Федоровне о его кончине, ее записки о последних днях мужа в Таганроге и письма о том же к своей матери, маркграфине Баденской[6] . Имеются также не вызывающие никакого сомнения в своей достоверности воспоминания вышеуказанных придворных врачей Тарасова и Виллие, в которых приводятся подробности о болезни и смерти царя, воспоминания о том же Н. И. Шенига, офицера генерального штаба, лично присутствовавшего при бальзамировании[7] , а также ряд других доказательств смерти императора (как, например, гипсовая маска с лица умершего, снимок с которой помещен на стр. 7 указанной брошюры Николая Михайловича).

Л. Д. Любимов приводит выдержку из воспоминаний Н. А. Княжевича о беседе последнего в 1901 г. с томским губернатором по поводу Федора Кузьмича. Губернатор категорически заявил, что "это басня, ни на чем не основанная, и никто здесь в это не верит". Однако Княжевич скептически отнесся к словам губернатора, так как, по его мнению, вряд ли он как представитель власти мог "отвечать мне иначе". Указанная выписка из воспоминаний Княжевича тоже не проливает света на тайну Кузьмича.

Л. Д. Любимов сообщает о своем разговоре с эмигранткой А. И. Шуваловой, дочерью министра двора при Александре III, графа И. И. Воронцова-Дашкова, который как-то рассказал ей о своем участии во вскрытии гробницы Александра I, произведенном в присутствии самого царя, причем гроб оказался пустым. Не говоря уже о том, что нет никаких доказательств и документов, которые подтвердили бы слова Шуваловой, сообщение последней является фантазией еще и потому, что ключи от Петропавловского собора хранились всегда, как это и полагается по церковным правилам, только у духовенства собора, а не у частных лиц, хотя бы это и был сам министр двора. Шувалова же говорила Л. Д. Любимову, что у ее отца как у министра двора хранились ключи от "царских усыпальниц", под которыми она подразумевала Петропавловский собор.

---

[1] Р. И. Кузовников. Кто был старец Федор Кузьмич? "Исторический вестник", июль, 1895, стр. 245 - 246.

[2] Л. Д. Любимов. Тайна старца Федора Кузьмича. "Вопросы истории", 1966, N 1. В сокращенном виде статья напечатана в "Неделе" (N 46, 7 - 13 окт. 1965 г.).

[3] "Таинственный старец Федор Козьмич в Сибири и император Александр Первый. Харьков. 1912, стр. 74.

[4] Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Том. I. СПБ. 1912, стр. 332.

[5] Там же, стр. 334.

[6] Вел. кн. Николай Михайлович. Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича. СПБ. 1907, стр. 16 (брошюра).

[7] "Русский архив", 1880, кн. 3, стр. 267 - 326.

По-видимому, сознавая, что подобная "разговорная" аргументация никого и ни в чем убедить не сможет, Л. Д. Любимов делает попытку психологически объяснить возможность превращения императора в старца. "Мысль о своей причастности к убийству отца постоянно мучила его, и он искал забвения в религии, во всевозможных формах мистицизма, равно как в политике, философии... бесчисленных любовных похождениях". Но и этот прием чеховского адвоката, "минуя факты, напирать на психологию" (А. П. Чехов. "Случай из судебной практики"), делу не помогает. Искать забвение в политике, религии, дипломатии, в увлечениях женщинами и в чем-либо другом Александр I как человек, конечно, мог, но от этого до мысли стать безвестным бродягой и таким поступком искупить свой грех - "дистанция огромного размера". Царь прекрасно знал, что, став бездомным скитальцем, он подвергнется ссылке и телесному наказанию. Знал, что ему придется постоянно как-то изворачиваться в жизни. Поэтому прав был Николай Михайлович, уверяя, что ни по своему характеру, ни по наклонностям император не мог пойти на подобного рода превращение и обречь себя на всевозможные лишения, испытания и унижения[8] . Кроме того, если бы у Александра I и было навязчивое желание "уйти от мира" и удалиться в какой-нибудь монастырь или пустынь, то он мог сделать это совершенно официально и открыто, как поступил, например, император Священной Римской империи германской нации Карл V (1500 - 1558), отказавшийся от престола и ушедший в 1556 г. для спасения души в монастырь св. Юста. Далее, если даже предположить, что Александр I исчез из Таганрога, то непонятно, какие мотивы могли бы побудить его через двенадцать лет покинуть свое тайное убежище и где-то в Красноуфимске вновь прийти в мир, проявив таким образом непоследовательность в своих поступках.

Л. Д. Любимов утверждает, что в документах, относящихся к последним дням царствования Александра, а также появившихся после его смерти, имеется, "много противоречий, загадочного, могущего породить всякие предположения". Что это за документы, автор не говорит и делает лишь единственную ссылку на письмо князя П. М. Волконского от 7 декабря 1825 г. из Таганрога в Петербург. Если считать "загадочным" в нем сообщение Волконского об изменении черт лица покойного, то это объясняется отсутствием тогда в Таганроге необходимых для надлежащего бальзамирования тела противогнилостных веществ[9] . Больше же ничего загадочного или противоречивого в письме нет.

Таким образом, для выяснения легенды о тождестве Александра I и Федора Кузьмича в статье не сделано ни одного нового серьезного шага. Правда, Л. Д. Любимов ссылается еще на то, что Федором Кузьмичом интересовался Л. Н. Толстой. Однако следует сказать, что Л. Н. Толстой, увлекшись "прелестным образом" Федора Кузьмича, подошел к легенде не как историк, обязанный считаться только с фактами и доказательствами, а как писатель, который в своей творческой фантазии вправе был любой идее, в том числе и излюбленной им идее искупления, придать нужную ему художественную форму. Кроме того, сам Толстой тоже считал исторически доказанной "невозможность соединения личности Александра и Козьмича"[10] .

Александр I, как известно, был очень близорук. Однако никто из знавших старца не упоминает о том, что он носил очки. Никто не говорит также, что у него была потливость ног и что поэтому он их часто мыл. Александр же страдал такой потливостью и вынужден был почти ежедневно принимать ножные ванны. Никто не говорит и о глухоте Федора Кузьмича, а ведь Александр I, как известно, был глух на левое ухо, потеряв слух еще в молодости от артиллерийской стрельбы, когда стоял возле батареи. Кроме того, резко бросается в глаза и большая разница в возрасте старца и императора, Красноуфимский суд отметил, что старец имел "волосы на голове", которые он сохранил до конца своей жизни (что и было установлено при осмотре его останков 10 июля

---

[8] Вел. кн. Николай Михайлович. Император Александр I. Т. I, стр. 336.

[9] Там же, стр. 334.

[10] Письмо Л. Н. Толстого к великому князю Николаю Михайловичу от 2 сентября 1907 г. (Н. И. Гусев. Летопись и творчество Л. Н. Толстого. М. 1960, стр. 595).

1903 г.). Современники сообщают даже, что волосы старца были кудрявые[11] . Значит, старец вовсе не был плешив подобно царю. О надуманности легенды свидетельствует и сравнение роста Федора Кузьмича и Александра I. При освидетельствовании в суде было установлено, что Федор Кузьмич имел рост 2 аршина 6 1/2 вершков, то есть 1 м 71 см. Следовательно, рост его средний, а Александр I был высокого роста[12] . Приведем еще несколько соображений против легенды. Если бы Александр 1 действительно отрекся от мира и превратился в старца, чтобы "искупить свой грех", то он никогда не стал бы позировать художнику, ходить часто в гости, не брезговать там никакой пищей и есть даже мясо, принимать у себя разных посетителей, беседовать с ними, удивлять их своими изысканными манерами, знанием иностранных языков и т. д., как это делал весьма общительный Федор Кузьмич, по словам его почитателей[13] . Совершенно очевидно, что при таком образе жизни отречение от мира теряет свой духовный смысл и, следовательно, носит чисто фиктивный характер. Те, кто искренне хотел уйти от мира для спасения души, вели жизнь отшельников и замаливали свои грехи. Федор же Кузьмич поступил иначе. Он поселился не в каком- нибудь отдаленном, суровом по уставу монастыре или глухой пустыни, а в Томске, где вел почти светскую жизнь. Далее, если бы Александр I после 12-летнего затворничества вновь захотел вернуться в мир, то что мешало ему открыто объявить свое истинное имя? Ведь на государственную жизнь России подобное решение нисколько не повлияло бы, так как он добровольно отрекся от престола и, следовательно, уже не имел на него никакого права. Он стал бы тогда просто тем частным лицом, каковым он и хотел якобы быть. Однако Федор Кузьмич поступить так не мог, ибо обман был бы немедленно обнаружен.

Кто же такой Федор Кузьмич? В нашем представлении это умный, прекрасно для своего времени образованный человек, вызывающий даже некоторую симпатию и сочувствие, но при всем этом находчивый мистификатор, вполне сознательно и очень хитро вводивший людей в заблуждение относительно своей личности и своего прошлого. Дело в истории не новое. Вероятно, это был провинившийся в чем-то серьезном богатый аристократ, еще до появления своего в Красноуфимске судимый и приговоренный к наказанию плетьми, о чем красноречиво говорили "знаки наказания" на его спине (телесное наказание применялось тогда и к дворянам в случае лишения их по суду прав состояния). Вероятно, некоторое внешнее сходство с Александром I навело Федора Кузьмича на авантюристическую мысль мистифицировать этим окружающих, что при его образовании и аристократическом происхождении сделать было нетрудно. Это помогало ему легче скрывать свое позорное прошлое.

Будучи сосланным в Сибирь, он стал вести здесь себя так, что о нем заговорили как о человеке высокого происхождения и подвижнического образа жизни. Преследовал он и еще одну цель: избавиться от нищенского существования, которое он сначала влачил в местах своей ссылки. Слухи о нем дошли до томского купца С. Ф. Хромова, который пригласил его жить как у себя в городе, так и на своем хуторе, в четырех верстах от Томска, где построил ему хорошую избу, окружил его вниманием и заботой, предоставил средства к безбедному существованию и полную возможность вести жизнь по своему усмотрению. Поставленная цель была достигнута. И нужно сказать, что Федор Кузьмич сделал все это очень тонко, с расчетом на людское легковерие. Справок о судимости тогда не существовало. Проверить, кто он такой, было трудно.

В цитированной выше книге "Таинственный старец Федор Кузьмич и император Александр I" приводится много интересных подробностей о жизни и поведении старца с момента его появления в Томской губернии, и особенно во время его проживания у Хромова. Поражая воображение, окружающих величественной осанкой и благородной, представительной внешностью, он стремился в беседах удивлять их своими знаниями в области сельского хозяйства, отечественной истории, придворного этикета, а также иностранных языков. Все это производило на простых и доверчивых сибиряков неизгладимое впечатление. Однако свое прошлое старец тщательно скрывал и на

---

[11] "Таинственный старец Федор Козьмич в Сибири и император Александр I" стр. 45.

[12] "Русская старина", 1872, август, стр. 127.

[13] "Таинственный старец Федор Козьмич в Сибири и император Александр I", стр. 47, 50, 52 и др.

вопросы об этом отвечал общими или двусмысленными фразами. Например: "Я родился в древах. Если б эти древа на меня посмотрели, то без ветру вершинами покачали бы". Неясными намеками он давал понять своим слушателям, что, "может быть, им и самого царя придется увидеть и даже беседовать с ним". Таких примеров двусмысленных, загадочных изречений старца можно привести немало[15] . На вопрос своего благодетеля купца Хромова, кто он, старец отвечал: "Нет, это никогда не может быть открыто. Об этом меня спрашивали преосвященные Иннокентий Камчатский и Афанасий Томский, и им не открыто"[16] . Тут, однако, старец, как мы полагаем, невольно проговорился, упомянув имя епископа Иннокентия, которое дает возможность хоть немного приподнять завесу над прошлым Федора Кузьмича. Дело в том, что епископ Иннокентий (1797 - 1879 гг.), автор известных этнографических и лингвистических трудов об алеутах, был с 1823 по 1840 г. миссионером сначала на Алеутских островах и на Аляске, а с 1840 г. епископом камчатским. Факт знакомства Федора Кузьмича с ним дает основание предположить, что он первоначально был сослан как преступник или на Камчатку, или на Алеутские острова. Может быть, Кузьмичу удалось бежать оттуда и добраться до Красноуфимска, где его случайно задержали, судили вторично, уже за бродяжничество, и опять наказали плетьми. В связи с этим вполне понятно, почему он остался доволен приговором Красноуфимского земского суда о ссылке в Западную Сибирь, а не на Камчатку или Алеутские острова, где его уже могли знать.

Надо признать, что в истории России это одна из наиболее поразительных мистификаций. Старец унес в могилу тайну своего несомненно аристократического происхождения, не пожелав ее открыть никому. Но это - его личное дело, и не более того. Федор Кузьмич отнюдь не является личностью, судьба которой в какой-либо степени представляла бы интерес как "вековая загадка русской истории".

Н. Н. Белянчиков

---

[15] Там же, стр. 50 и др.

[16] Там же, стр. 54.

63-ЬЯ ВСТРЕЧА КЛУБА «МВТУ»:
«ЛЕГЕНДА О ФЕДОРЕ КУЗЬМИЧЕ. ЗА И ПРОТИВ».

ДОКЛАДЧИК: ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ МГТУ ИМ. Н.Э. БАУМАНА (СГН-1), ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ МПГУ ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ЗАХАРОВ

(14.11.2024)

14 ноября 2024 года в клубе "МВТУ" состоялась 63 встреча «ЛЕГЕНДА О ФЕДОРЕ КУЗЬМИЧЕ. ЗА И ПРОТИВ».

У нас в гостях был: заведующий кафедрой истории МГТУ им. Н.Э. Баумана (СГН-1), доктор исторических наук, профессор кафедры истории России МПГУ **Виталий Юрьевич Захаров**.

В истории России много тайн и "белых пятен". Одна из них - легенда о старце Фёдоре Кузьмиче, суть которой в том, что Александр I не умер в 1825 г., а тайно отрёкся от престола и далее жил под именем Фёдора Кузьмича, странствуя по святым местам России, замаливая грех отцеубийства, умер в 1864 г. около г. Томска в Сибири, а затем был тайно перезахоронен в Петропавловском соборе Петербурга. В докладе В.Ю. Захарова предпринимается попытка приблизиться к раскрытию этой загадки на основе сравнительного анализа аргументов "за" и "против" этой легенды.

СпасиБо большое Виталию Юрьевичу и всем нашим гостям!

Видеозапись встречи можно посмотреть по ссылкам:
https://rutube.ru/video/private/ee94f2d3ebb8fe733515506311ae1350/?p=A9M_6cGXHMUa6504Mb8sRA

https://youtu.be/npjFptkvFow

#возможности@bmstu1830
#МВТУ

Александра I

Основные вехи биографии Александра I

Александр I и Федор Кузьмич

ССЫЛКИ НА МАТЕРИАЛЫ
ПО 63-ЕЙ ВСТРЕЧЕ КЛУБА «МВТУ»:
«ЛЕГЕНДА О ФЕДОРЕ КУЗЬМИЧЕ. ЗА И ПРОТИВ».

ДОКЛАДЧИК: ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ МГТУ ИМ. Н.Э. БАУМАНА (СГН-1), ДОКТОР ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ ИСТОРИИ РОССИИ МПГУ ВИТАЛИЙ ЮРЬЕВИЧ ЗАХАРОВ

(14.11.2024)

- Видеозапись встречи можно посмотреть по ссылкам:
  https://youtu.be/npjFptkvFow

  https://rutube.ru/video/private/ee94f2d3ebb8fe733515506311ae1350/?p=A9M_6cGXHMUa6504Mb8sRA
- Краткий список литературы по теме выступления:

  1. Барятинский В.В. Царственный мистик (Император Александр I - Фёдор Кузьмич). СПб.: Прометей, 1913. — 144 с.
  2. Василич Г. Император Александр I и старец Феодор Кузьмич. — Репринт. воспроизведение 4-го изд. с рис., исполн. фототинтогравюрой, 1911 г. — М.: Современник, 1991. — 155 с.
  3. Васильев Н. Легенда о кончине Александра I, или Тайна сибирского старца Фёдора Кузьмича. — М.: Совместное сов.-амер. предприятие ТО «Старт», 1991. — 68 с.
  4. Кудряшов К. *В.* Александр I и тайна Фёдора Козьмича. — М.: НПО «Всесоюз. кн. палата», [1990]. — 85 с.
  5. Окунь С.Б., Белянчиков Н.Н. Существует ли тайна Фёдора Кузьмича?// Вопросы истории — М., 1967. — № 1.
  6. Громыко М. М. Святой праведный старец Феодор Кузьмич Томский — Александр I Благословенный: исследование и материалы к житию. М. : Паломник, 2010. – 2010.
     Материал доступен по ссылке: https://azbyka.ru/otechnik/Zhitija_svjatykh/svjatoj-pravednyj-starets-feodor-kuzmich-tomskij-aleksandr-1-blagoslovennyj/

- #возможности@bmstu1830
  #МВТУ

Приглашаем всех на будущие встречи клуба "МВТУ"!